

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя
общеобразовательная школа с. Вторые Тербуны Тербунского муниципального района
Липецкой области

Детство, опаленное войной

2015

«Каждое поколение живущих людей обязано заботливо хранить и передавать как драгоценную эстафету своим детям и внукам память о тех героических делах, свидетелями, участниками и очевидцами которых они были при своей жизни»

С.С.Смирнов

ВВЕДЕНИЕ

«Каждое поколение живущих людей обязано заботливо хранить и передавать как драгоценную эстафету своим детям и внукам память о тех героических делах, свидетелями, участниками и очевидцами которых они были при своей жизни»
С.С. Смирнов.

Великая Отечественная война была не только самой тяжелой и кровопролитной, но и самым героическим периодом истории нашей страны. Летопись войны полна примеров мужества и героизма миллионов людей, самоотверженно защищавших Родину. И чем дальше мы уходим от тяжелого и героического времени, тем величественнее кажутся их подвиги, тем полнее осознается значимость совершенного.

Дети войны, так называют тех, кому на сегодняшний день от 68 до 87 лет. И дело здесь не только в дате рождения. Их воспитала война. У целого поколения, рожденного с 1928 по 1945 год, украли детство. Сегодня нам не понять, что это такое, когда у тебя в один миг отнимают самое важное: безоблачное небо, спокойствие и радость родителей, тишину рассвета.

О Великой Отечественной войне написано очень много: это и литературные произведения, и сухие цифры статистики. Созданы прекрасные художественные и документальные фильмы. Но ни что не может сравниться с подлинными воспоминаниями очевидцев тех далеких событий, когда и голос срывается, и слезы на глазах.

Они уже совсем старые и седые, эти мальчишки и девчонки, выросшие и уцелевшие в военное лихолетье Великой Отечественной. И послевоенная пора была у них суровой, а подчас и жестокой. И пока эти люди живы, мы должны узнать от них самих об их судьбах и жизненной дороге.

Что помнят они? Что могут рассказать?

Вспоминает Володина (Крыщина) Анастасия Ефимовна, уроженка села Бурдино.

Когда началась война, мне было 12 лет. Однажды пришла моя сестра Марина, а она была замужем и жила отдельно, и сказала, что немцы уже в Казинке и скоро нас будут бомбить. У каждого дома уже были приготовлены окопы. Но сначала мы решили пообедать, а потом идти прятаться в окоп. Мать стала собирать на стол. Вдруг началась бомбежка, мы попадали на пол. В дом заскочил отец и стал нас просто выбрасывать из дома. Мать с внуками и дочками спряталась неподалеку от дома, а я с отцом убежала в низину за огород. Самолетов налетело очень много, что не пересчитать. Бомбы бросали в Климаничев сад. Была небольшая передышка, а потом стали бомбить конец села и лес. Недалеко от леса располагались военные, вот,

скорее всего, их немцы и заметили. Дедушка мой жил на том конце села, где бомбили. Его дом разбомбили прямым попаданием, но он остался жив и перебрался к нам. Семья у нас была большая и во время бомбежек мы прятались в заранее выкопанном окопе, а деду было там душно и тесно, вот мы ему и вырыли отдельную ямку. А когда самолеты немецкие отбомбят, и на какое - то время всё стихнет, я надевала на голову зеленое блюдо и бежала смотреть: жив ли дед. Со временем мы осмелели, привыкли к бомбёжкам. Стали ходить ночевать домой: спали в сенцах на соломе. У нас через дорогу жили Корчуновы. Так однажды у них во дворе разорвался снаряд, но они были за стеной и не пострадали.

А однажды мы наблюдали в небе бой немецких и наших самолётов. Немец поджег наши самолеты. Один самолет упал рядом с мельницей, а летчик побежал в рожь. Он думал, что попал на немецкую территорию и не хотел сдаваться. Наши жители его догнали и привели в село. Второй самолет упал в болото и полностью затонул.

Старшие сестры ходили рыть окопы, сначала в Борки, а потом под Кшень. Была весна, воды было много, и всех перевозили через воду верхом на лошадях. На рытье окопов можно было погибнуть - часто бомбили.

В нашем селе Бурдино стояли башкирские воины. Они говорили на своем языке, а мы за ними повторяли. Смотришь, кто-нибудь из них идет. Оказывается, это мы их звали. Кроме башкиров в селе были сибиряки. Очень хорошие и добрые люди.

Мы готовились уже к эвакуации. Мать напекла ковриг хлеба, зарезали овцу и натопили целое ведро сала. Когда пришло время эвакуироваться, то мы стали прятаться, не хотелось уходить из дома. Тогда отец сказал, что под немцем не останется, а уйдет вместе с нашими войсками. Он воевал в Первую мировую войну и был в плену, поэтому не захотел оставаться.

В эвакуации были в Жерновном Долгоруковского района. Потом нас хотели везти в Долгоруково, а оттуда в Сибирь. К нам уже приходил несколько раз милиционер и говорил, что пора собираться, но мать говорила, что у нас ещё дети и отец не пришли из Бурдино, и мы их подождем. А потом у нас сестра заболела тифом, а он как об этом узнал, то больше не приходил. Из дома в Жерновное мы привели две коровы, привезли с собой картошку. Женщина, у какой мы жили, разрешила ссыпать её в погреб. Живя в эвакуации, я ходила в лес за дровами. Однажды лесник делал обход дворов, а чтобы нас не ругали за дрова, мы побросали их в погреб на картошку. А потом оказалось, что картошка замерзла.

А когда мы узнали, что немцев отогнали в Касторное, то сразу вернулись домой. Перевозили все на санках. Мне пришлось сходить с родственниками из Бурдино в Жерновное 18 раз. Уставали ужасно, хотелось есть. Сестра Марина выходила нам навстречу и ждала нас на краю села у ветряной мельницы. Она приносила нам поесть. Мы ели, отдыхали и шли дальше.

Мой отец на войне не был. В то время ему было 60 лет. Он был в отряде, который искал дезертиров. А ещё он хорошо отбивал косы и учил девок косить. Да так хорошо обучал, что не каждый мужик мог за ними угнаться.

О том, что война закончилась, мы узнали ночью. Дед Воробей сторожил в больнице и услышал по радио об окончании войны. Бросил свою сторожку и прибежал с радостной вестью домой. А его дочь Таня прибежала к нам в 4 часа утра с этим радостным известием. На другой день у сельского совета собрались люди со всего села. Кто плакал, кто радовался. Многие из односельчан получили похоронки. Мои братья вернулись с войны все, а вот у сестры муж погиб. Когда началась война, и немец приближался к нашим местам, он с другими мужчинами погнал скот на Урал. Вернувшись, примкнул к проходившей через село воинской части. Погиб он под Москвой.

Один из моих братьев служил в НКВД в городе Мценске и еще задолго до начала войны писал отцу, что скоро будет война. А когда началась война, и бухгалтер колхоза, увидев отца, сообщил ему эту страшную новость, то отец сказал, что об этом он давно знал и показал ей Мишино письмо. Под Смоленском брат попал в плен, но бежал. Потом он был в Орле, служил на железной дороге. После войны продолжал там работать, женился.

Вспоминает Ульшина Татьяна Филипповна, уроженка села Бурдино.

В годы войны у нас дома моя мама Стрельникова Ольга Ивановна и бабушка Александра Егоровна пекли башкирским солдатам хлеб. Мука была высшего сорта, мы такую даже не видели. Хлеб получался высокий, пышный. В печь помещалось по восемь ковриг. Готовый хлеб накрывали одеялами, чтобы не остыл, и отправляли солдатам. Мой отец до войны разводил пчел и, когда началась война, у нас было много меда. Мама с бабушкой делали одну лепешку, потом промазывали её медом и прикрывали второй лепешкой. Такой хлеб был очень вкусный. Муку привозил нам Разноглазый. Мы его так прозвали, потому что глаза были разного цвета.

Башкирцев кормили хорошо. Давали селедку и яичный порошок.

У нас был большой двор, и там стояли лошади башкирцев. Один из башкирских воинов был маленький ростом, и солдаты называли его сынком. Этот молодой солдат часто бывал на передовой. Один раз он приехал весь изодранный, выпал из седла и зацепился за стремя. Вот в таком положении его лошадь долго тащила по земле. Моя бабушка его лечила и вылечила. Мы ждали его возвращения с передовой. Но однажды он не вернулся. Погиб.

Мы жили недалеко от лощины и охраняли поле от пожаров. Дед сделал вышку и наблюдал за полем.

У нас в лощине росла трава. Мы называли её «ванюка», из неё башкирцы делали дудки и играли на них, иногда плясали. Нам было интересно наблюдать за их плясками. Многие солдаты неплохо говорили по-русски.

Когда началась эвакуация мы стали копать картошку и ссыпать в яму, выкопанную в огороде. В яму закопали и два подпола ржи и мед. Мать закопала в погребе ступу. Когда вернулись из эвакуации и раскопали яму, то картошка хорошо сохранилась. Только благодаря этой картошки мы выжили. У нас осталось ещё 15 ведер для посадки. Мед кто-то забрал. Ступа до сих пор цела и хорошо сохранилась.

Башкирцы, когда уходили, много чего оставили. Например, остались две лошади (у одной с одной стороны не было рёбер, а у другой одна нога была толще остальных). Звали лошадей Зубарь и Кубарь. Они оставались в нашем селе и после войны.

В 60-х годах я жила в городе Батуми и там встретила башкирцев. Мы с ними хорошо общались, и я рассказывала им о земляках.

Вспоминает Захарова Людмила Александровна

В 1942 г в начале июня немцы подходили к Казинке. МТС в Казинке - самое высокое место в селе. Ниже шли жилые дома. Именно здесь нужно было остановить немцев. Немцы приближались к нашей местности. Мы местные жители села Бурдино охали, ахали. Мне хорошо запомнился день, когда в село пришли башкирские воины. День выдался очень жаркий. По селу шла конница. Вся дорога была забита. Весь день шли воины. Потом наши воины стали заезжать в сады, по огородам. Все сады были заняты конниками. Летала «рама» и воины укрывались под деревьями. В Бурдино Башкирские воины разместились на Кулиге. В доме Зинаиды Тимофеевны разместился штаб полка. Нужно было накормить воинов. В каждый дом заходили военные и раздавали муку высшего сорта. Наши женщины должны были из этой муки напечь хлеба. Они не привыкли выпекать хлеб из одной пшеничной муки. Обычно хозяйки пекли хлеб ржаной. Поэтому стали подмешивать гуцу. Через 4 часа воины получили большие караваи белого хлеба. Когда воины стали собирать хлеб, то делились им с

жителями села. Башкирским воинам давали селедку, мы стали изумляться такая жара, а им дают соленое, ведь пить будут. Это прямо диверсия. Но воины объяснили, что соль закупоривает поры, потеешь меньше, стало быть, и пить не будешь хотеть.

Стрельба поднялась страшная: гул орудий, самолетов. За селом Бурдино стояли амбары. К этому времени амбары были пусты. Зерно было вывезено. Немцы стали бомбить амбары, горели дома на окраине села. Люди в панике и ужасе метались между домами. Это были в основном женщины и дети. Они прятались в заранее приготовленные блиндажи, вырытые у каждого дома: у кого под яблоней, у кого в огороде.

Немцы начали бомбить село с утра и закончили ровно в 6 вечера.

У меня жила тетя на Кулиге, у нее был кирпичный дом и мы перебрались к ней. Думали, что стены кирпичные спасут.

Наступила ночь. Башкирские воины приняли первый бой за Казинку. Стали поступать раненные. Их привозили в Бурдино на Воробьевку, перевязывали и отправляли дальше в Вислую Поляну. Башкирские воины плохо знали русский язык, но все равно пытались общаться с нами. Наши женщины поили их молоком.

Наступило время эвакуации. Башкирцы помогали нам эвакуироваться. Нас эвакуировали в Рязанскую, Новосибирской область и Долгоруковский район в село Жерновное. В Жерновное отправляли мало, только тех, у кого были там родственники.

В конце июля на помощь башкирцам прислали сибиряков. Башкирских воинов направили под Сталинград.

Башкиры были хорошие, добрые люди, совестливые, хорошо относились к жителям. Под окном дома моей тети рос каштан, под ним располагалась кухня.

Поваром у башкирских воинов был Ветров. Если у него оставалась еда от бойцов, он созывал местных ребятишек и их подкармливал. Кормил супом, пюре из гороха. Однажды Ветров сказал, что у него горе. Погиб его брат. Он был минометчиком. Разорвалась мина, и он погиб. Повар рассказал, как опасно и страшно ему было. Бывало, едешь солдат кормить, а немцы бомбят. Вот и думаешь, где быстрее лошадь погнать, где поприсесть. Солдатам еду предлагаю, а они злые, уставшие, поэтому плохо едят, а кто и вовсе не ест.

После войны в село Вторые Тербуны приезжал Кусимов. Он был статный, подтянутый. Много рассказывал Ивану Тимофеевичу и старшеклассникам о сражениях на Тербунской земле, проехали по местам боев. Были в Лобановке, Солдатском. Много было воспоминаний записано, но архив сгорел. Кусимов воевал в наших местах. Наши следопыты по инициативе Ивана Тимофеевича и с помощью военкомата стали переписываться с башкирцами - участниками сражений на нашей территории и их родственниками. Приезжали делегации из Башкирии. Началась переписка со школами Башкирии. Был у нас и сын Г.А. Нафикова.

Прошло немало лет, и Иван Тимофеевич стал собирать материал о 112 Башкирской кавалерийской дивизии.

А.А. Межевой - учитель ИЗО на своих уроках с детьми стал рисовать плакаты, рисунки о воинах-башкирцах. Наша пионерская организация носила имя Г.А. Нафиков. Наша дружина занимала первые места по сбору материала о воинах. Из Башкирии была прислана книга «На огненных копытах» на родном языке, но у нас никто башкирского не знал.

Во время военных действий в наших местах был писатель К.Симонов. Позже он прислал много записей, интервью с башкирцами. В школе был оформлен стенд, на котором был размещен этот материал.

Казинка стала камнем преткновения, немцы дальше не прошли.

Много башкирских воинов полегло на нашей Тербунской земле, но память о них живет.

**Вспоминает Саввина (Бельских) Татьяна Матвеевна,
уроженка села Бурдино**

Когда началась война, мне было 13 лет. Семья наша была большая, 10 детей. Четыре брата попали на фронт. Митя был с 1919 года рождения, а Алексей с 1918 года рождения. Их забрали в армию ещё в 1939 году. Алексей служил в Латвии, был старшим лейтенантом, писарем при штабе. Письма писал часто. А еще в каждом письме присылал листок красивой бумажки. Как началась война, письма перестали приходить. Брат Алексей погиб в самом начале войны.

Брат Митя был танкистом. В одном из боев их окружили. Стали выбираться на горку, а немец так и косит. Они выбрались в лес. Вылезли из

танков. А немцы уже ходят по лесу, раненых прикалывают. Собрали всех наших солдат в барак, кормили водой с крапивой и заставляли много работать. Затем отправили в Германию. Их освободила красная армия 5 мая 1945 года. НКВД вел расследование. Только в сентябре Дмитрию разрешили написать письмо и сообщить, что он жив и здоров. Вернулся он в 1946 году.

Братья Тихон и Иван тоже воевали. Иван вернулся, а Тихон погиб под Брянском.

В войну сестра Наташа была учетчицей. Однажды она заболела, и я пошла на работу вместо неё.

За селом стояли военные. Я и ещё несколько ребятшек подошли к ним, чтобы расспросить о войне, но они нам посоветовали уходить побыстрее, а то скоро начнут бомбить. И вот летит бомба, визжит, мы все попадали. Было страшно.

Когда прилетали самолеты бомбить, взрослые нас прятали в окоп. А нам хочется на самолеты посмотреть, ведь не каждый видел их до войны, из окопа высовываемся.

Любопытство брало верх над страхом.

Немцы стали приближаться к нашему селу Бурдино. У каждого жителя около дома был выкопан окоп. Вырыли и мы. Потом нам сказали, что наш окоп вырыт не правильно, его хорошо видно, и мы всего за одну ночь вырыли новый. У нас на Воробьевке был госпиталь. Привозили очень много раненых. Вечером мать подоит корову, и я раненым солдатам несу молоко. Кто умирал от ран, хоронили неподалеку в логу. А еще во время бомбежки в саду у Климаничевых убило военного, его там же похоронили. Еще был похоронен солдат внизу, где теперь в Бурдино памятник сооружен. После войны всей солдат перезахоронили.

Когда враг оказался совсем близко, нас эвакуировали. Привезли нас на станцию, погрузили в вагоны и отправили в Сибирь. Ехали мы около месяца. На одной из станций нас выгрузили, и мы жили на вокзале целых две недели. Потом приехали люди на лошадях и забрали нас. Поселили нашу семью к девочке, она была инвалидом, а потом её куда-то забрали. Местные жители там очень добрые, гостеприимные. С нами делились всем. Особенно много грибов приносили. Я ходила на ферму за молоком, а потом нам дали корову.

В эвакуации я, сестра Таня и брат Коля ходили в школу. А старшие сестры Наташа и Анна ходили на работу, заготовливали сено скоту на зиму. Неподалеку от нашего дома жила бабушка. Я с ней дружила. Ходила с ней за брусникой и черникой. Когда мы приходили в лес, она заставляла есть чеснок, чтобы комары не кусали. Соседка меня очень полюбила, ягненка подарила, а когда мы собрались возвращаться домой, предлагала остаться.

Мы стали готовиться уезжать домой, засушили большую бочку картошки и сундук сухарей. Ехали долго, больше месяца. Вернулись, а дома печь разобрана. Сенцы были деревянные, их тоже разобрали. Мы стали ходить в лес и носить оттуда палки. Отец был хорошим плотником, он стал потихоньку все восстанавливать. Картошка, что дома мы в окопе зарыли, вся померзла. Мы голодали. Потом пришел наш сундук с сухарями и бочка с картошкой, и жить стало сытнее.

Пришла весна, нужно было сажать картошку. 300 рублей платили за ведро картошки. Сажали очистки с ростками, а из картошки варили суп. Позже нам дали чеченку (маленькую корову), но молока она давала много. Ходили собирать колосья.

О том, что война закончилась, я узнала ночью. Прибежал отец с работы (он был сторожем в больнице) и сказал, что по радио объявили об окончании войны.

Вспоминает Полухина (Ульшина) Дарья Стефановна.

Родилась я в деревне Лобановка в 1927 году. В семье было нас 9 детей. Война пришла в Озерки в 1942 году. В этот год была высокая, густая рожь. По полю приехали немцы на мотоциклах, стали ловить кур, доить коров. В кустах они спрятали танки. А перед этим днем всю ночь через село шли наши солдаты, они отступали. Немцы стали сгонять нас в один кирпичный дом. Продержали там до вечера, а потом погнали нас к Троицкому. В Троицком оставили несколько десятков человек, в том числе и нашу семью, а остальных погнали дальше. Осенью немцы заставляли нас копать картошку. На зиму дали по одному ведру на человека, а остальное забрали.

В этом селе была конюшня. В одном крыле держали скот, а в другом делали колбасу. Готовую колбасу складывали к старосте в подвал. Староста до войны был председателем колхоза, а в войну был связан с партизанами.

Немцы гоняли нас рыть окопы. Когда шли по лощине на работу, из ржи выбегали наши солдаты и просили хлеба, а у нас у самих ничего не было.

Чтобы как-то прокормиться, мы пошли в Лобановку. Когда дошли до Балынковки, то увидели объявление, в котором говорилось, что, кто перейдет здесь границу, то будет расстрелян. В Лобановке нас арестовали, стали по одному вызывать в штаб. Стало темнеть. Нас допросили и отправили назад. У Михайловки начался бой. Мы попали под обстрел с двух сторон.

Я с матерью и другими односельчанами продолжала жить в селе Троицкое.

Осенью нас заставляли молотить подсолнухи. Мы возвращались с работы и в центре села увидели виселицу, а на ней женщину. На груди у неё была табличка с надписью: «Русская женщина вела пропаганду против немецких солдат».

Оказывается, рядом жили две невестки. Одну взяли в штаб писарем. Тогда другая невестка сказала в сердцах, чтобы не очень та гордилась, наши войска рядом. «Писариха» возьми и скажи это в штабе. Вот и стали водить на допрос бедную женщину. После третьего допроса её повесили. Возвращалась с работы и дочь повешенной женщины. Когда она увидела мать, то ноги у неё подкосились. Те, кто шел с ней рядом, подхватили её под руки и стали шептать, чтобы она не показывала виду, ведь у неё были маленькие дети...

Очень хорошо помню, как наши стали наступать. Они стреляли из «Катюш».

Немцы бежали. После освобождения мы часто пели такую частушку:

Бьёт Катюша, бьёт Ванюша,
Бьёт из тыла старшина.
Как догоним до Берлина,
Так и кончится война.

Вспоминает Жаворонкова Анна Ивановна.

Я родилась 18 февраля 1925 г. в с. Солдатское. До конца своих дней буду помнить о первом дне войны. Мы тяпали свёклу. На поле прискакал бригадир и объявил, что началась война. Вечером стали забирать мужиков. По всему селу стоял шум и крик. Было очень страшно. В то время мне исполнилось 16 лет...

Я хорошо помню всё, что происходило в далёкие 1942 – 1943 годы. Может и хотела бы забыть, но такой ужас не забывается. Однажды мы копали окопы. Видим: едут танки. Все подумали, что это наши, а оказались это немцы. Мы, молодые девчонки, побежали вместе с солдатами. Ночь бежали, а день лежали во

ржи. Наконец-таки, добрались до дома. Моя мама горько плакала: думала, что меня убили. А я выжила и пришла домой.

Наконец-таки, добрались до дома. Моя мама горько плакала: думала, что меня убили. А я выжила и пришла домой.

Осенью нас эвакуировали в Рязань. Туда нас везли на поезде. В Рязанской области мы зимовали. Ходили на работу, сортировали зерно. Когда узнали об освобождении Тербунского района от немцев, двинулись пешком домой. Только на девятый день пришли в Хутор – Берёзовку. Деды шли пустые, а мы тянули на санках вещи, продукты. Везли и зерно, но его было очень мало – на первое время.

Пришли, а жить негде. Наш деревянный дом солдаты разобрали на дрова. Ушли в пустой дом, но приехали хозяева и нас выгнали. Тогда стали разбирать окопы. Из этих брёвен и начали строить дом. Весной посадили на огороде картошку. Потихоньку построили дом. Стали с братом, а он был слепой, валять валенки. Это ремесло помогло нам выжить.

Вспоминает Болгов Дмитрий Иванович, уроженец села Бурдино.

Война застала меня в 12 лет. В 1942-м году немцы подошли к Казинке. Она переходила из рук в руки несколько раз.

Раз в июле пасу коров. Вдруг появился самолёт, и из него посыпалось что-то белое, похожее на снег. Это были листовки с требованием сдаться в плен. Когда пригнал коров домой, начал показывать листовки соседям. Вдруг со стороны Казинки послышался гул самолётов. Они летели на Бурдино. Я насчитал 17 штук. Испугался и закричал: «Немцы! Немцы!». Нас начали бомбить. Началась суматоха, все старались куда-нибудь спрятаться. Другой раз я попал под обстрел.

Когда началась бомбёжка, я спрятался в кусты, а там были наши солдаты. С самолёта начали нас обстреливать. Казалось, что сыпется крупный град.

В ноябре 1942 года нас эвакуировали в Новосибирскую область. Туда мы ехали 24 дня товарным поездом. Там расселяли по домам колхозников.

Весной 1944 года приехали домой. Возрождали село. Работали в поле. Взрослые ходили за семенами в районный центр и на себе несли их. Я в это время пас колхозных лошадей, коров.

Вспоминает Болгова Анна Лаврентьевна, уроженка с. Бурдино

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 6 лет. Я мало что запомнила. На следующее лето после объявления войны немцы пришли в наш район. Жили в постоянном страхе. Отчётливо помню, как летели самолёты и бомбили, а мы прятались. Каждая семья копала что-то наподобие окопа – там и прятались в бомбёжку.

Когда немцы подошли к Казинке, нас эвакуировали в Сибирь. Там мы прожили полтора года. Очень хотели побыстрее оказаться дома. Но когда приехали домой, увидели вокруг одни развалины. Сложили себе домик в два окна по глине, а сенцы были плетнёвые.

В то время было всем трудно, но никто не жаловался. Все трудились, восстанавливали разрушенное, работали на полях. Ведь война-то не закончилась. Нужно было помогать фронту.

Вспоминает Маслов Иван Иванович, уроженец с. Бурдино

Летом 1942 года мне исполнилось 10 лет. Но я хорошо запомнил события тех дней. Отец был на войне, а у матери нас было шестеро – младшему Мише не было и года.

В Бурдино расположилась Башкирская кавалерийская дивизия. Мы, мальчишки, общались с солдатами, приносили им молоко, помогали ухаживать за лошадьми. Где-то до середины лета фашистские самолёты не бомбили наше село, только сбрасывали листовки. Но однажды прилетела целая лавина самолётов и начали бомбить. Люди бросились в окопы. Когда взрывы утихли, мы огляделись. Бурдино горело. Были убитые и раненые. После обеда бомбёжка повторилась. Особенно бомбили Большой лес. Там стояли военные и был аэродром. Бомбили до вечера. У нас убило корову.

Мать плакала: чем кормить детей. Ужас охватил нас, когда на грузовиках везли раненых и убитых солдат. Глубокой осенью нас эвакуировали. Военные на лошадях доставили на станцию Долгоруково. Там ждали эшелона несколько дней. Спали на улице. Иногда просыпались, запорошенные снегом. Наконец, мы поехали. Наша семья была эвакуирована в Рязанскую область. Жили трудно. В эвакуации умерла моя сестрёнка Люба. Но мать не разрешила старшей сестре Нюре писать об этом отцу на фронт. «Пусть воюет. Там и так смертей много» - говорила она.

В мае 1943 года вернулись домой. Наш дом уцелел. Мы стали заниматься огородами... Я с друзьями часто бегал на передовую (в Лобановку). Там собирали различное оружие: и немецкое, и русское. Однажды по неосторожности снаряд взорвался. Я и мой брат получили ранение, а двое моих друзей погибли.

Вспоминает Клавдия Федоровна Лыкова

Спустя многие годы, не могла без волнения и слез вспоминать события прошедшей войны.

Я не смотрю фильмы о войне, - говорила она, - не хожу на митинги. Сердце не выдерживает.

Мне было всего 10 лет, когда в село с таким красивым названием, Лебяжье, пришли немцы. Отец был на фронте, а мать с четырьмя детьми попала под оккупацию.

Немцы сорвали мирных жителей с обжитых мест и погнали в западном направлении. Сначала - в Гремячку, что в трех километрах от Лебяжьего, затем - в Сомово. Мирное население этих сел принимало бедствующих

селян в свои дома, делилось последними крохами еды. Но проходило время, и лебяженцев вновь выгоняли на улицу и уводили все дальше от родных мест.

Мы шли оборванные и голодные. Уже подмораживало, но теплой одежды не было, кое-кто шел босиком. Старых, обессиливших людей пристреливали.

До самого Курска людей гнали голодными, может, только по дороге кто-то сунет нас кусок хлеба или лепешку. Холодные и голодные мы пришли в такую же холодную избу.

Погибнуть могли несколько раз. Однако из изгнания семья вернулась полностью. А скольких из тех, кого угоняли вместе с ними, селяне не досчитались?!

Село было полностью разрушено. Наша деревянная хатенка находилась на отшибе, но и от нее остался один порог. Поэтому жили в землянке. Позднее узнали, что отец погиб в Эстонии.

Я не помнила, когда нас освободили. Но помню, что люди очень боялись, что фашисты вернуться и вновь станут распоряжаться на нашей земле, в наших домах и жизнями.

**Дети войны, вы детства не знали.
Ужас тех лет от бомбёжек в глазах.
В страхе вы жили. Не все выживали.
Горечь-полынь и сейчас на губах.**

**«...Вот лет через 100
уйдут поколения, для
которых война –это боль,
и станет война эта
историей...»**

**Цитата из фильма
"Обратной дороги нет" (1970 г.)**

